

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents

<https://elibrary.ru/IOGCFB>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

«СРАВНЕНИЕ ДЕЛ БОГА И ДЬЯВОЛА»: ЖАНР, ГЕНЕЗИС, ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

© 2026 г. С.В. Алпатов

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 05 декабря 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 23 января 2026 г.

Дата публикации: 25 марта 2026 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-254-275>

Аннотация: Среди древнерусских учительных текстов, излагающих основы христианской веры и морали, выделяется сочинение с устоявшимся исследовательским названием «Сравнение дел Бога и дьявола» (частотные заглавия по спискам — «Слово Иоанна Дамаскина», «Поучение Иоанна Златоустого о прелести диаволи»; типичный инципит — «Бог сотвори пост, а бес объядение»). Введенное в научный оборот публикациями Д.А. Ровинского (краткая лубочная редакция), В.И. Срезневского (пространная редакция), произведение представляет собой форму перечня антитез (добродетели vs пороки), предположительно восходящих к латинскому каталогу VIII в. «Docet Deus, Docet diabolus». Сопоставление исследуемого древнерусского памятника с широким кругом паремийных и нарративных фольклорных параллелей позволяет сделать вывод о хронологической первичности, структурной целостности, идейной самостоятельности и жанровой определенности данного образца дидактической традиции рубежа позднего Средневековья и раннего Нового времени. Широкий типологический контекст, выстроенный вокруг частного текстологического и историко-литературного кейса «Сравнения дел Бога и дьявола», позволяет ставить вопрос о выявленных в ходе проведенного исследования общих стадийальных закономерностях эволюции форм древнерусского красноречия и способов реализации в них этнокультурной специфики конкретной литературной и фольклорной традиции.

Ключевые слова: катехизис, каталог, жанр, генезис, фольклор

Информация об авторе: Сергей Викторович Алпатов — доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского устного народного творчества, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0003-2525-0287>

E-mail: alpsergi19@yandex.ru

Для цитирования: Алпатов С.В. «Сравнение дел Бога и дьявола»: жанр, генезис, фольклорные параллели // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 1. С. 254–275. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-1-254-275>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

“COMPARISON OF THE DEEDS OF GOD AND THE DEVIL”: GENRE, GENESIS, FOLKLORE PARALLELS

© 2026. Sergey V. Alpatov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Received: December 05, 2025

Approved after reviewing: January 23, 2026

Date of publication: March 25, 2026

Abstract: Among the Old Russian didactic texts expounding the foundations of Christian faith and morality, a work with the established research title “Comparison of the Deeds of God and the Devil” stands out (frequent titles in lists are “The Sermon of John of Damascus,” “The Sermon of John Chrysostom on the Deception of the Devil”; a typical incipit is “God created fasting, and the devil gluttony”). Introduced into scholarly circulation by the publications of D.A. Rovinsky (a short redaction) and V.I. Sreznevsky (an extended redaction), the opus represents the form of a list of antitheses (virtues vs. vices), presumably dating back to the 8th-century Latin catalog “Docet Deus, Docet diabolus.” A comparison of the Old Russian text with a wide range of paroemic and narrative folkloric parallels allows us to conclude that this example of the didactic tradition from the late Middle Ages to the early modern period possesses chronological primacy, structural integrity, ideological independence, and genre specificity. A broad typological context, built around the specific textual and literary-historical case of “Comparison of the Deeds of God and the Devil,” allows us to address the general stage-by-stage patterns of the evolution of Old Russian preaching, and the ways in which they embody the ethnocultural specificity of a particular literary and folkloric tradition.

Keywords: catechism, catalog, genre, genesis, folklore

Information about the author: Sergey V. Alpatov, DSc in Philology, Head of Folklore Department, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1, bld. 51, 119991 Moscow, Russia. <https://orcid.org/0000-0003-2525-0287>

E-mail: alpsergi9@yandex.ru

For citation: Alpatov, S.V. “Comparison of the Deeds of God and the Devil”: Genre, Genesis, Folklore Parallels.” *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 254–275. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-254-275>

Жанровая сфера древнерусского красноречия, помимо хорошо изученных регистров торжественной «похвалы», полемических «слов», учительных «бесед» и сатирических «посланий», содержит область, мало привлекавшую внимание исследователей в силу маргинальности функционального статуса, очевидности идейного содержания и простоты поэтического строя входящих в нее произведений: катехизические тексты, излагающие основы христианской веры и морали, среди которых выделяется сочинение с условным, но уже устоявшимся названием «Сравнение дел Бога и дьявола».

В третьем выпуске «Русских народных картинок» (1881) Д.А. Ровинский впервые описал два лубочных варианта первой половины XVIII в. из собрания А.В. Олсуфьева¹, процитировал их идентичный текст и указал на большую популярность текстового варианта по сравнению с лицевым [24, с. 172–173]. В общем ряду духовных листов краткое «Слово Иоанна Дамаскина» не привлекло исследовательского внимания, и в активный научный оборот рассматриваемое произведение вошло с публикацией В.И. Срезневским в 1905 г. его развернутого варианта «из архангельского сборника исх. XVIII в.» [25, с. 221–223]. Авторский заголовок «Сравнение дел Бога и дьявола» и пространная редакция текста стали негласным стандартом для большинства машинописных и опубликованных описей архивных собраний, сделанных в XX в. Например, В.И. Малышев так характеризовал усть-цилемские списки произведения: «сокращенный вариант, сравнительно с напечатанным В.И. Срезневским», «сокра-

¹ Изображения доступны: № 789. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/slovo-ioanna-damaskina-1> (дата обращения: 04.12.2025); № 790. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/material/slovo-ioanna-damaskina-2> (дата обращения: 04.12.2025).

щенный вариант», «краткий вариант с небольшими разночтениями» [21, с. 81, 96, 132].

Появление в зоне исследовательского внимания десятков указаний на списки анализируемого сочинения из разных регионов Русского Севера, Северо-Запада, Поволжья и Урала при фактическом отсутствии сводного корпуса вариантов породило иллюзию тождества формальной структуры, содержания и функций произведения. Характерны суждения опытного археографа и глубокого знатока древнерусской книжности А.М. Панченко, отсылавшего в книге «Русская культура в канун петровских реформ» (1984) к «Сравнению дел Бога и дьявола» как к прецедентному древнерусскому тексту: «С воззрениями ярославских волхвов в принципе сходны воззрения болгарских богомилов и павликиан. Как раз у павликиан трактовка веселья близка скоморошей. В рамках второго южнославянского влияния эти народные ереси могли получить то или иное отражение на Руси. Не их ли отголосок — те антиномические фразы, противопоставляющие дела Бога и дела беса, цепочки которых встречаются в рукописях (“Бог пост, а бес объядение”, “Бог думу, а бес прогадку” и т. п., с неперменным “Бог попа, а бес скомороха”)?» [9, с. 102].

Очевидно, что нашими предшественниками были намечены узловые проблемы истории рассматриваемого произведения: наличие кратких и пространных вариантов текста, их бытование в рукописной и лубочной традиции, идейно-тематические и формально-стилевые связи с народными дуалистическими верованиями и жанрами фольклорного красноречия. Однако системные отношения этих аспектов были и остаются областью исследовательских интуиций. Все это делает актуальным последовательный пересмотр вопросов поэтической структуры, жанровой природы, генезиса и эволюции данного сочинения.

Прежде всего процитируем упомянутый в книге А.М. Панченко вариант², являющийся самым ранним из известных нам списков сочинения:

Бог пост, а бес объядение
Бог молитву, и бес леность
Бог чистоту, и бес блуд

2 РО РНБ. Ф. 588. Погод. 1574. Сборник. Конволют из 5 частей. XVII в. 182 л.

Бог милостыню, и бес скупость
Бог любовь, и бес ненависть
Бог кротость, и бес лютость
Бог крепость, и бес слабость
Бог пир, и бес бой
Бог правду, и бес кривду
Бог ум, и бес безумие
Бог думу, и бес прогадку
Бог учителя, и бес блазнителя
Бог истинну, и бес ложь
Бог попа, и бес скомороха (л. 179 об.)³.

При сравнении процитированного списка с лубочными и коррелирующими с ними краткими рукописными⁴ вариантами середины XVIII – начала XIX в. выявляется:

— отсутствие / условность / вариативность заглавия («Слово Иоанна Дамаскина», «Поучение Иоанна Златоустого о прелести диаволи», «Из книги Исаака Сирина писано сице»);

— начальная строка «Бог [сотвори(ль)] пост, бес объядение» совпадает у большинства вариантов, последовательность прочих позиций произвольная;

— рукописные варианты сохраняют имя «Бог» / лубочные заменяют на «Господь»;

— просторечным рукописным парам «попа — скомороха» соответствует лубочная «иерея — скомороха»;

— уникальной паре данного варианта «думу — прогадку» соответствует в иных списках «думу добрую — злую»;

— специфичную пару «пир — бой» поддерживает известная по вариантам пара «беседу — драку», «воду [*беседу] — бой»;

3 Текст воспроизводится в упрощенной транскрипции. Оригинал рукописи — URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=261452C2-28EA-41Fo-8BoD-o8981B1FC59D> (дата обращения: 04.12.2025).

4 НИОР РГБ. Ф. 722. Ед. хр. 277. Л. 213–213 об., первая четверть XIX в.; опубликовано: [4, с. 163]. Ср. пинежский список второй половины XVIII в., имитирующий печатный шрифт: [23, с. 566].

— отдельные краткие варианты XIX в. из усть-цилемской коллекции Древлехранилища ИРЛИ (УЦ 9. Л. 109 об., УЦ 40. Л. 5 об.) отмечены финальными антитезами:

Бог умудряет слепца, а бес облажняет чернеца.

Бог сотворил воды животный, а бес вино смертное.

Особо выделяется вариант рукописного собрания Псковского музея-заповедника, дополняющий текст краткой редакции «Сравнения дел Бога и дьявола» оппозициями, коррелирующими со списками пространной редакции:

Бог повеле во свет всякому человеку молиться, а бес лениться.

Бог пост, а бес объядение.

Бог трезвость, а бес пьянство.

Бог милостыню, а бес скупость.

Бог чистоту, а бес блуд.

Бог любовь, а бес ненависть.

Бог послушание, а бес ослушание.

Бог истинну, а бес лжу.

Бог кротость, а бес лютость.

Бог крепость, а бес слабость.

Бог правду, а бес кривду.

Бог разум, а бес безумие.

Бог разсуждение, а бес омрачение.

Бог думу добру, а бес злую.

Бог книги, а бес карты.

(146) Бог учиться, а бес блазниться.

Бог попа, а бес скомороха.

Бог созидаю, а бес разоряю.

Бог еже на молитву ходити и пение слушать, а бес на гутки и варганы.

Бог повеле даяти, а бес чужая грабить.

Бог смиряться, а бес драться.

Бог плакати, а бес смеяться.

Бог воздержание, а бес объядение.

Бог повеле на молитву притекати, а бес к волхвом ходить.

Бог повеле своих грехов смотрети, а бес чюжих искати.

Бог повеле на молитве со страхом стояти, а бес неистово стояти,
шептатися и смеятися и ленитися.

Слава, и ныне и присно и вовеки. Аминь⁵.

Амплифицирующие, разрушающие синтаксический изоморфизм, тавтологические («Бог пост, а бес объядение» и «Бог воздержание, а бес объядение»; «Бог кротость, а бес лютость» и «Бог смиритися, а бес драти-ся») позиции второй части текста могут быть проинтерпретированы либо как результат взаимовлияния сосуществующих в течение XIX в. списков краткой и пространной редакций, либо как наличие переходных ступеней между ними — авантекстов пространной редакции. Обращает на себя внимание инципит псковского списка «Бог повеле во свет всякому человеку...», не только мотивирующий пропуск повторяющихся глаголов («повелел», «заповедал», «создал», «сотворил») в последующих строках данного и подобных вариантов, но и определяющий жанровый формат краткой редакции в целом — мнемонический конспект, свод духовно-нравственных оппозиций, конституирующих мир.

Обращаясь к спискам пространной редакции, констатируем их возникновение на рубеже XVIII–XIX вв., укажем на большую стабильность композиции, лексического состава и выдержанность литературного стиля вариантов⁶. Процитируем ранее не публиковавшийся список:

Поучение святого Иоанна Златоустаго о прелести диаво[ли]⁷

5 ОКФИПИ ПГОИКХМЗ. Ф. 1061 (Опочецкого у.). № 2324. Л. 145 об. – 146. Сб. крестьянина Ф.А. Шалаева. 1889 г. марта 7 дня.

6 Помимо изданного В.И. Срезневским архангельского списка конца XVIII в. [25, с. 221–223], укажем практически идентичные ему варианты: РО БАН. Собр. В.Г. Дружинина. 137 (106). Л. 167. Сб. конца XVIII – начала XIX в.; РО БАН. Собр. Н.К. Никольского. 117. Л. 36–38 первая половина XIX в.; РО БАН. Собр. Н.Я. Колобова. 261 (23.9.2). Л. 31 об. – 32. 1820-е гг.; ОКФИПИ ПГОИКХМЗ. Ф. Софроновской общины. 2661. Л. 346–347. Сб. середины XIX в.

7 НИОР РГБ. Ф. 354. Вологодское собр. № 45. Сб. начала XIX в. Оригинал — URL: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/354/f-354-45/> (дата обращения: 04.12.2025).

Бог сотворил пост, а бес объядение;
Бог сотворил востание на молитву, а бес леность;
Бог сотворил рукоделие, а бес безделие и празнословие;
Бог сотворил чистоту, а бес блуд;
Бог сотворил смирение, а бес гордость;
Бог сотворил нелицемерную любовь, а бес ненависть;
Бог сотворил беседу, а бес драку;
Бог сотворил ум, а бес забытие;
Бог сотворил крепость, а бес слабость;
Бог сотворил невосхищение чужаго имения,
а бес ростоимание, лихву и татьбу и обиду;
Бог сотворил послушание, а бес ослушание;
Бог сотворил воздержание, а бес нетерпение;
Бог сотворил суд правый, а бес кривду;
Бог сотворил разсуждение, а бес омрачение;
Бог сотворил священника, а бес играца и скомороха;
Бог сотворил почитание святых книг, а бес злыя
басни и кощуны и смехотворение и безчиние;
Бог сотворил праздники повелел в чести имети,
а бес научил зыбели имети людям и на досках скакати;
Бог сотворил человеки и закон предал держати
и веру христианскую знати, а бес человеков привел
во идолопоклонение и на многое кумирслужение;
(175 об.) Бог послал апостолов и учеников своих верю христианскую
утвержати, а бес послал еретиков разрушати веру правую;
Бог повелел христианом за веру Христову стояти, и до смерти стра-
дати,
а бес научил судей благочестия отступати и христиан от веры
отлучати и до смерти их убивати;
Господь послал человеком на землю учение, а бес воздвиг на христиан
мучение;
Господь послал человеком вольное покаяние и о грехах воздыхание,
а бес нерадение и омерзение и отчаяние;
Господь сотворил стояние на молитве с молчанием и с покаянием,
а бес поучает людям шепты творити и басни со смеянием;

Господь сотворил человека чиста и трезва, а бес скверна и пьяна;
Господь сотворил человеку руки на рукоделие и от того милостыня
даяти,
а бес научил красти и бити и неправедное имение копить;
Господь повелел человеку крест носить, а бес возле креста прониски
иметь;
Господь человека к себе присвоает, а бес прочь отлучает;
Господь сотворил человека разумна, а бес зделал безумна;
Господь сотворил человека разсудительна и смиренна, а бес
зделал горда и омраченна;
Владыка Господь веру и закон дал и царство свое
обещал, а диавол беззакония и греси навел и человеки
в преисподния муки отлучил;
Господь повелел о нищих богатым пешися, а бес
научил их славу имети и подобных себе и богатых любить;
Господь учит человека нищету Христа ради любить, а бес богатства
искати;
(176) Господь сотворил алкание, а бес объядение;
Господь повелел жажда имети, а бес пьянство любить;
Господь повелел на рогозине спати, а бес научил мягкия перины ис-
кати;
Господь сотворил малое спание, а бес несытый сон;
Господь повелел любовь имети и за друга душа своя
полагати, а бес научил разбойником в человецех быти и
друг друга бити и души погубляти;
Господь повелел псалом во устах имети и
молитву творити, а бес научил песни
сатанинския пети и медведи
скомрахом водити и со зверми говорити;
Господь сотворил ноги на молитве стояти,
а бес научил плясати;
Господь сотворил руки крестное знамение имети и сотворити
и к Богу в молитве простирати,
а бес научил в долони колотити, сиречь плескати и кулаками братию
бити;

Господь предал человеком честно праздники имети и
 в чистоте пребывати, Бога молити и духовно ходити
 и царство небесное прияти,
 (176 об.) а бес научил кабаки и табаки и
 корчемницы и пьянное питье пити
 и беса тем веселити, а по смерти
 в муце вместе с ним быти;
 Господь оставил человеком евангельское учение,
 а бес старин сказание и ложное обаяние;
 Бог сотворил святых книг почитание
 и к братии покорение, а бес научил
 на братию клеветание и на сосед
 роптание и на други надмение и учения непослушание.
 Тем же братие уклонимся
 от прелести диаволи и послушанием
 владыки Христа глаголюща пути благому
 учаща потщимся евангелски ходити
 и царствию его наследницы быти.
 Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

В процитированном списке отчетливо видны механизмы расширения, дополнения и переработки основы, заложенной вариантами краткой редакции:

— тавтологические оппозиции в первой и второй части текста («Бог сотворил пост, а бес объядение» и «Господь сотворил алкание, а бес объядение»);

— синонимическое варьирование глагольных конструкций («сотворил», «повелел», «послал», «предал», «оставил», «учит»);

— регулярные замены просторечных оборотов («попа — скомороха» на «священника — игреца» и под.);

— подмена запоминающейся антитезы развернутым толкованием («Бог книги, а бес карты» > «Бог сотворил почитание святых книг, а бес злая басня и кощунство и смехотворение и безчиние»; «Бог еже на молитву ходити и пение слушать, а бес на гутки и варганы» > «Господь повелел псалом во устах имети и молитву творити, а бес научил песни сатанинския пети

и медведи скомрахом водити и со зверми говорити»; «бес научил в долони колотити, *сиречь* плескати и кулаками братию бити»);

— преобразование исходной бинарной синтаксической конструкции в триады при сохранении ритмообразующей функции компонентов⁸ («а бес научил *кабаки и табаки и корчемницы* и пьянное питье *пити* и беса тем *веселити*, а по смерти в муце вместе с ним *быти*»);

— финальный переход от декларативной («Владыка Господь веру и закон дал и царство свое обещал, а диавол беззакония и греси навел и чело- веки в преисподния муки отлучил») к увещательной модальности инклю- зивного «мы»⁹ («Тем же братие уклонимся от прелести диаволи и послуша- нием владыки Христа глаголюща пути благому учаща потщимся евангелски ходити и царствию его наследницы быти. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком. Аминь»).

В поздних списках пространной редакции появляются уникальные позиции, ориентированные на локальные реалии традиционного быта:

Бог сотвори родителям поминание, а бес березки завивать.

Бог сотвори сошествие Святаго Духа, а бес березки отвивать.

Бог сотвори Святую неделю, а бес рили.

Бог сотвори святаго Иоанна пост, а бес купальницу.

Бог сотвори Сырную неделю, а бес катание.

Бог сотвори благословенное хождение, а бес конскую скачь.

Аще ли от таковых кто от безумных соборищ смерть примет з бесы вкупе в муку вечную и бесконечную. Аминь¹⁰.

8 Об амплификации смыслового комплекса однородными структурами, синтаксическом параллелизме, парных и тройственных сочетаниях как ритмообразующих факторах оратор- ского жанра см. подробнее: [10, с. 37–46].

9 Ср. наблюдения О.А. Туфановой над риторической техникой проповеди XVII в.: «Завершается стихотворное “Слово”, как и многие древнерусские поучения, призывом. Но он имеет другой характер, нежели начальные или финальные призывы в классических проповедях. Смягчение вербального императива происходит не только за счет употре- бления местоимения “нам”, нивелирующего дистанцию между автором-проповедником и паствой-читателем, но и благодаря замене “воинствующего” дидактизма, диктующего однозначное поведение, на мягкое воззвание к самосовершенствованию по доброй воле» [11, с. 366].

10 ОРКиР НБ МГУ. Рукописи Верхокамья. Пермская область, Верещагинский район, с. Субботники. Анферов П.Ф. № 459. Стиховник 1947 г. Л. 27–28. Опубликовано: [4, с. 164].

Композиционно-стилевая разноплановость краткой и пространной редакций памятника, а также вариативный контекст рукописных сборников, в которых обнаруживается анализируемое сочинение, обусловили разноречивой в его жанровом определении исследователями.

В рамках усть-цилемской рукописной традиции В.И. Малышев относит данный текст к рубрике «Дидактические произведения» (наряду с поучениями против пьянства и матерной брани, сборниками изречений типа Пчелы), обособленной от соседних рубрик — «Апокрифы» («Беседа трех святителей», «Молитва архангелу Михаилу», «Лист Иисуса Христа») и «Стихи» («Стихи учительны о разуме», «Рифмы детей к умершей матери») [20, с. 516–517].

Исходя из идейно-тематической составляющей памятника, «Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук» определяет «Сравнение дел бога и дьявола» как «апокриф» [22, с. 428, 471, 481, 587]. Сходным образом опись пинежской коллекции Древлехранилища ИРЛИ характеризует сочинение как «Сказание, что сотворил Бог, а что бес» [23, с. 369, 381, 385, 471, 498, 566], выявляя его имманентную нарративную компоненту.

«Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника» описывает текст краткой редакции как «стих-раешник о сравнении дел бога и дьявола» [19, с. 163], маркируя его структурно-стилевые ассоциации с ритмизованными формами фольклорного красноречия.

Учитывая в своем инципитарии [29] материалы поморской, уральской и латгальской рукописных традиций, Т.В. Филофова относит данное сочинение к жанру «духовного стиха», акцентируя функциональную общность текстов вернакулярных религиозных практик.

Очевидно, что при определении жанровой специфики анализируемого памятника следует учитывать не только минимальный конвой рукописного сборника, в котором зафиксирован список «Сравнения дел Бога и дьявола», но и широкий фон книжной и фольклорной традиции, в контексте которой складывается и эволюционирует произведение.

Оставляя в стороне эксплицитные корреляции первого заглавия («Слово Иоанна Дамаскина») и инципита («Бог сотворил пост, а бес объядение») со «Словом о страстях и добродетелях» Иоанна Дамаскина и «Беседой первой о посте» св. Василия Великого [4, с. 162–163], обратимся к менее очевидным смысловым и образно-мотивным ассоциациям текста.

Неоднократно отмеченное исследователями сходство «Сравнения дел Бога и дьявола» с моделью мира манихейского толка может быть поддержано (равно как и ослаблено в силу широты и разнообразия возможных этнокультурных параллелей¹¹) фольклорными этиологическими легендами о дуалистическом творении вселенной [8], а также обрядовыми и игровыми текстами диалогической природы, конструирующими ритуальный микрокосм праздника как реплику ситуации первотворения [2, с. 89–90].

Важно отметить, что первичный духовно-аллегорический (добродетели vs пороки) реестр вселенских антиномий «Сравнения дел Бога и дьявола» в ходе его бытования (чтения и переписывания) пополняется вещественными реалиями и акциональными маркерами (а)моральных поведенческих практик (рогозина / перина, крест / пронизка, книги / карты, молитвы / шепты, беседа / драка), отчасти коррелирующими с перечнями культурных объектов (орудия труда, книги vs зеркало, табак, водка, карты) и социальных навыков (праздники, пост, этикетные нормы vs нарушение заповедей и асоциальное поведение) в народных легендах [26], сюжеты которых следует рассматривать как актуальный образно-тематический фон и один из стимулов эволюции краткой редакции каталога в пространную.

В свою очередь, заслуживает обсуждения сформулированный А.М. Панченко тезис о композиции «Сравнения дел Бога и дьявола» как произвольной комбинации («цепочке фраз») поговорок, существовавших независимо в устной традиции. Действительно, списки краткой редакции демонстрируют достаточно свободную последовательность конкретных антитез между стабильным инципитом («пост — объядение») и финалом («попа — скомороха»). Однако ни рукописные сборники пословиц XVIII–XX вв., ни полевые записи фольклорных экспедиций не фиксируют сколько-нибудь частотного функционирования в устной коммуникации всего ряда оппозиций, регулярно входящих в состав «Сравнения дел Бога и дьявола» (за исключением «Бог сотворил попа, а черт скомороха», «Бог умудряет слепца, а черт искушает чернеца», «Бог дал людям Евангелие, а черт — пёх карты»). Наоборот, большинство народных поговорок, по-

11 См. список фольклорных традиций, учтенных для мотива В1 «Двое создателей» в указателе: Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/b1.html> (дата обращения: 04.12.2025).

строенных по структурной схеме «Бог дал х, а черт у» реализуют семантико-мотивационные модели, неизвестные анализируемому нами памятнику:

Бог создал Адама, а черт молдавана.
Бог создал Адама и Еву, а черт корелу.
Рыжего зырянина создал Бог, рыжего татарина — черт.
Бог создал небо и землю, а черт Олонецкую губернию.
Бог создал рай, а черт — Хабаровский край.
Бог создал солнце и луну, а черт — Судай и Чухлому.
Бог создал Кавказ и Крым, а черт — Колыму и Нарым.
Бог создал Сочи, а черт — Могочи.
Бог умудряет слепца, а черт кузнеца.
Бог дал родню, а дьявол вражду.
Бог дал путь, а дьявол крюк [16, с. 58–61, 69, 211, 382; 4, с. 164].

Следует думать, что большинство народных поговорок данного типа родилось после, под влиянием и в развитие «Сравнения дел Бога и дьявола». Подтверждением ориентации носителей традиции фольклорного красноречия на целостный каталог мироустанавливающих диад, а не просто отдельный пословичный фрейм являются пародийные рифмованные космогонии рукописных солдатских блокнотов второй половины XX в., в которых аскеза армейского быта также противопоставлена сладкой жизни в миру, но уже с обратным по сравнению с религиозным катехизисом знаком:

Бог создал любовь и дружбу,
Черт создал караульную службу.
Бог создал дембельский день,
Черт создал бревно и ремень.
Бог создал девичий взгляд,
Черт создал устав и наряд.
Бог создал веселье и пьянки,
Черт создал сапоги и портянки.
Бог создал отбой и тишину,
Черт создал подъем и старшину.
Бог создал женщину и ласки,

Черт создал автомат и каску.
 Бог создал уют и рай,
 Черт создал Луневский край [2, с. 92].

Сказанное демонстрирует, что ассоциация «Сравнения дел Бога и дьявола» со стихами-раешниками не лишена оснований не только по причине одновременного бытования в XVIII–XX вв. анализируемого нами сочинения и сатир-реестров типа «Образ нынешнего века» («Грех скончался. Правда сгорела. Истина охромела...»)¹², но и в силу общей востребованности формата ритмизованных каталогов текстами отечественной «третьей культуры» Нового времени [2, с. 90–91].

Таким образом, сопоставление в содержательном, стилевом и функциональном плане исследуемого рукописного каталога и его фольклорных параллелей приводит нас к выводу о хронологической первичности, структурной целостности, идейной самостоятельности и жанровой определенности этого памятника дидактической традиции рубежа позднего Средневековья и раннего Нового времени. Вместе с тем, не находя для «Сравнения дел Бога и дьявола» прямых предшественников среди образцов древнерусского учительного красноречия и памятуя о роли импортных графических образцов для отечественной лубочной традиции, мы провели поиск вероятного иностранного оригинала, послужившего источником (образцом) для создания популярного отечественного текста-каталога.

Наиболее точным соответствием заданным параметрам поиска оказался латинский каталог “Docet Deus, Docet diabolus”:

Docet Deus uigilias.
 Docet diabolus somnolentiam.
 Docet Deus ieiunium.
 Docet diabolus saturitatem.
 Docet Deus largitatem.
 Docet diabolus auaritiam.
 Docet Deus castitatem.
 Docet diabolus fornicationem.

¹² Списки сатиры опубликованы: [5, с. 137–143].

Docet Deus lenitatem.
Docet diabolus iracundiam.
Docet Deus patientiam.
Docet diabolus inpatientiam.
Docet Deus humilitatem.
Docet diabolus superbiam.
Docet Deus pacem.
Docet diabolus indisceptionem.
Docet Deus dilectionem proximi.
Docet diabolus occisionem [13, p. 141].

Данный перечень известен прежде всего по двум ватиканским рукописям конца VIII в. и начала IX в., представляющим собой копии сборника из семи проповедей, созданных в верховьях или среднем течении Рейна в последней четверти VIII в. и выполненных в сходной риторической манере, ассоциированной с ирландской миссионерской традицией:

These seven short pieces, linked together by their manuscript tradition and by the common suprascription "In nomine Dei summi", share the same spirit and technique. The collection as a whole reveals the influence of the Irish tradition, for example in abbreviations, in scriptural variants, in the suprascription, in style, and in method. Literary parallels that can be established between these documents and other works that are known to be Hiberno-Latin in character tend to assimilate them to the Irish sphere of influence, whose presence here is unmistakable. It is likely that the collection originated in the last decade of the eighth century, perhaps even somewhat earlier; and in accord with the evidence of the manuscript the place of provenance can be reasonably located in the upper or middle Rhine valley, a locale which at this time was still frequented by insular *peregrini*. The personal identity of the author is unknown. He was probably Irish by nationality, but certainly a product of that culture; he was a monk in orders with an interest in various apostolic tasks, preaching and catechizing especially. His homiletical work is not original; it tends to be prosaic, at times even ordinary, largely basic, awaiting expansion and development [13, p. 132].

В составе проповеди интересующий нас фрагмент обрамлен кратким вступлением, пронизанным идеей страха Божия, и финалом, напоминающим о посмертном воздаянии за сделанный прижизненный выбор: “Si consentiamus Domino, deducet nos ad regnum. Si consentiamus diabulo, deducet nos in infernum” [13, р. 141]. Позднее данный каталог, уже лишенный рамочных частей и, очевидно, бытовавший независимо в составе флорилегия, известен в древнеанглийском переводе по рукописям сер. XI в. [15, р. 451–452].

Построить последовательную генетическую цепочку от латинского опуса кон. VIII в. до списка «Сравнения дел Бога и дьявола» XVII в. сейчас не представляется возможным. Тем не менее можно обозначить направления поиска вероятных путей трансляции интересующего нас текста.

Прежде всего следует вспомнить о концепции А.В. Исаченко, предполагавшего существование в «докирилловской Средней Европе» катехизических текстов («славянских молитв, оглашений, отречений, исповедей»), древнейшие из которых были переводами с латинского языка, возникшими при содействии представителей ирландской миссии, уделявших особое внимание практикам исповеди и покаяния, а также поучениям о грехах и христианских добродетелях [7, с. 68–71].

Востребованность в новообращенной среде учительных текстов с элементарной риторической структурой хорошо демонстрирует кейс берестяной грамоты № 17 из Торжка, датируемой концом XII в. [17, с. 464–465], в которой приписываемое Кириллу Туровскому «Слово о премудрости» трансформируется так, что компоненты поучения, касающиеся добродетелей («кротость бо есть мати премудрости и разуму и помыслу благому и всем добрым делом»; «чим искалянные порты омыти — страхом Божиим, и верою чистою, и смирением, покаянием, молитвою, и слезами, и постом, поклоном, и милостынею, любовию ко всем, миром, воздержанием, терпением, послушанием добраго учения, покорением, бдением, трезвством» [18, с. 90]), исключаются, а два списка грехов («отгнахом от себя матерь, а мачеху прияхом, ей же имя величанье, дети же ея суть» и «кал на чистых и красных одежах крещения и веры» [18, с. 89]) объединяются: «мацешини же дети се соуте: гордосте, непокорение, прекословее, презоресво, хоула, кевета, зломыслие, глево, вражда, пеянесво, игры неприязнины и всякая злобе. а кало есте: клевета, хоула, гнево, осожужение, прекословее, сваро, бои,

зависте, вражда, злопоминание, непокорение, злосердее, злии помысли, смехотворение и вся игры бесовеския; та же паки запоисво, резеоимание, грабление, разбои, татба, д(у)шегоубление, потвори, поклепо, отрава, блоуди, прелюбодеяние, цяротворение» [1, с. 89–91].

В этой связи стоит обратить внимание на традицию западноевропейских средневековых проповедей Страстной пятницы, в которых каждому смертному греху противопоставляется одна из крестных мук Христа [14].

В свою очередь на следы функционирования искомого каталога на латинском языке в Европе в эпоху развития национальных литератур указывают отдельные формулы проповедей и топосы риторических тезаурусов, например:

– “Deus bene docet; diabolus dedocet” — *Petrus Cellensis Sermos LIX* (1183 г.) [29, p. 817];

– “Bonitatem docet deus”, “Docet ergo deus equitatem et iusticiam” — *Petrus Berchorius Repertorium morale* (вторая треть XIV в.) [27, f. 282v.].

Кроме того, широкий шлейф поговорок на национальных европейских языках, построенных по модели «Бог дал х, а дьявол у» и использующих локальные культурные паттерны, как кажется, указывает на общий текстовый импульс, полученный некогда на общедоступном языке типа средневековой латыни. Протицируем в качестве примера ряд польских поговорок:

Bóg stworzył szczęście, a szatan stworzył cierpienie.

Pan Bóg stworzył jedzenie, a diabeł wymyślił kucharzy.

Bóg daje szczodremu, a diabeł skąpemu.

Pan Bóg daje kupca, to diabeł zaraz niesie faktora.

Pan Bóg wynalazł jarmarki, a diabeł frymarki.

Bóg wymyślił wieś, a diabeł miasto.

Dał się Bóg napić, a diabeł nie dał się wyspać [12, p. 211–216].

Исследовательский интерес к установлению связей раннего латинского и позднего русского каталогов не исчерпывается вопросами генезиса конкретного произведения. Сходные этапы проходит в истории европейской и русской культуры латинский каталог “De proprietatibus gentium”, документированный «Оветенской компиляцией» (883 г.), фиксируемый европейскими рукописями

X–XV вв. [6, с. 55–95], приходящий в Россию в составе анонимных арифмологических, порождающий ряды поговорок о доблестях и недостатках этнических соседей, а также ассоциирующийся как с фольклорными легендами о поведении разных народов у подножия Голгофы, так и с переводными образцами *parodia sacra* типа «Страсти, или Разговор государств в Раштаде» [3].

Тем самым, исследуя частную историю возникновения и эволюции рядового памятника средневековой катехизической традиции, мы одновременно получаем представление об общих типологических закономерностях развития форм учительного красноречия в Древней Руси и средневековой Европе в целом.

Сокращения:

Древлехранилище ИРЛИ — Древлехранилище Института русской литературы (Пушкинский дом)

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОРКиР НБ МГУ — Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова

ОКФиПИ ПГОИКХМЗ — Отдел книжных фондов и письменных источников Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

РО БАН — Рукописный отдел Библиотеки Российской академии наук

РО РНБ — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки

Список литературы

Исследования

- 1 Алпатов С.В. Берестяные грамоты в контексте фольклорной и литературной традиции // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 4. С. 123–128.
- 2 Алпатов С.В. Идеи и подходы Н.И. Толстого в контексте современных исследований народной Библии // Stephanos. 2023. № 3. С. 89–92. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2023-59-3-89-92>
- 3 Алпатов С.В. Народная Библия: этические константы vs этнические особенности // Традиционная культура. 2018. № 2. С. 160–166.
- 4 Алпатов С.В. Проблема междисциплинарных исследований парафольклорных феноменов русской рукописной традиции XVIII–XX веков // Междисциплинарные исследования в гуманитарных науках: Коллективная монография / отв. ред. Г.В. Варакина. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2023. С. 160–166.

- 5 *Алпатов С.В.* «Солдатский Отче наш» в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX веков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2023. 144 с. URL: <https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/Alpatov.pdf> (дата обращения: 04.12.2025).
- 6 *Вида К.* Свои и чужие. Этнические стереотипы в средневековой Европе, 950–1250 гг. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2024. 396 с.
- 7 *Исаченко А.В.* К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. 1963. Вып. 7. С. 43–72.
- 8 *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 249 с.
- 9 *Панченко А.М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 520 с.
- 10 *Сазонова Л.И.* Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1974. Т. 28. С. 30–46.
- 11 *Туфанова О.А.* Рифмованные двоестрочия о пьянстве как стихотворная проповедь // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 357–384. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-357-384>
- 12 *Dźwigoł R.* Boskie a diabelskie — na podstawie polskich przysłów i frazeologizmów // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica VI: Dialog z tradycją. 2011. Cz. I. S. 208–223.
- 13 *McNally R.E.* “In nomine Dei Summi”: seven Hiberno-Latin Sermons // *Traditio*. 1979. Vol. 35. P. 121–143.
- 14 *Newhauser R.* Preaching the “Contrary Virtues” // *Mediaeval studies*. 2008. Vol. 70. P. 135–162.
- 15 *Wright C.D.* “Docet Deus, Docet Diabolus”: A Hiberno-Latin Theme in an Old English Body-and-Soul Homily // *Notes and Queries*. 1987. Vol. 232. P. 451–453.

Источники

- 16 Большой словарь русских пословиц / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.
- 17 *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 882 с.
- 18 *Калайдович К.Ф.* Памятники российской словесности XII в. М.: Тип. С. Селивановского, 1821. 258 с.
- 19 Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX вв.) / сост. Н.П. Осипова. Псков: [б. и.], 1991. Ч. I. 207 с.
- 20 *Мальшиев В.И.* Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 513–521.

- 21 *Малышев В.И.* Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX веков. Сыктывкар: Коми областное книжн. изд-во, 1960. 215 с.
- 22 Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л.: [б. и.], 1951. Т. 4, вып. 1: Повести, романы, сказания, сказки, рассказы / сост. А.П. Конусов и В.Ф. Покровская. 598 с.
- 23 Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX вв. Опыт исследования. Источники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: *Савельева Н.В.* Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. 721 с.
- 24 Русские народные картинки: в 5 кн. / собр. и описал Д.А. Ровинский. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1881. Кн. 3: Притчи и листы духовные. (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 25). 750 с.
- 25 Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Императорской Академии наук в 1902 году. Приложение: Рукописи и книги, приобретенные В.И. Срезневским во время поездки в Вологодскую, Олонецкую и Пермскую губернии. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1905. 276 с.
- 26 У истоков мира: Русские этимологические сказки и легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой, Г.И. Кабаковой. М.: Форум; Неолит, 2014. 528 с.
- 27 *Berchorius P.* Repertoriu[m] morale p[er]utile predicatorib[us]. [Nürnberg]. Anton Koberger, 1489. Part 1: A–D. 608 p.
- 28 *Filosofova T.* Geistliche Lieder der Altgläubigen in Russland: Bestandsaufnahme, Edition, Kommentar. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2010. 544 s.
- 29 *Petrus Cellensis.* Opera omnia / ed. J.P. Migne. Paris, 1855. 1580 col. (Patrologiae cursus completus. Series Latina. T. 202)

References

- 1 Alpatov, S.V. “Berestiane gramoty v kontekste fol’klornoi i literaturnoi traditsii” [“Birch Bark Letters in the Context of Folklore and Literary Tradition”]. *Drevniaia Rus’: Voprosy medievistiki*, no. 4, 2004, pp. 123–128. (In Russ.)
- 2 Alpatov, S.V. “Idei i podkhody N.I. Tolstogo v kontekste sovremennykh issledovaniĭ narodnoi Biblii” [“The Ideas and Approaches of N.I. Tolstoy in the Context of Modern Studies of the Folk Bible”]. *Stephanos*, no. 3, 2023, pp. 89–92. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2023-59-3-89-92> (In Russ.)
- 3 Alpatov, S.V. “Narodnaia Bibliia: eticheskie konstanty vs etnicheskie osobennosti” [“The Folk Bible: Ethical Constants vs Ethnic Peculiarities”]. *Traditsionnaia kul’tura*, no. 2, 2018, pp. 160–166. (In Russ.)
- 4 Alpatov, S.V. “Problema mezhdistsiplinarykh issledovaniĭ parafol’klornykh fenomenov russkoi rukopisnoi traditsii XVIII–XX vekov” [“The Problem of Interdisciplinary Research of Parafolklore Phenomena of the Russian Manuscript

- Tradition of the 18th–20th Centuries”]. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v humanitarnykh naukakh: Kollektivnaia monografiia* [Interdisciplinary Research in the Humanities: Collective Monograph]. Moscow, The Kosygin State University of Russia Publ., 2023, pp. 160–166. (In Russ.)
- 5 Alpatov, S.V. “‘Soldatskii Otche nash’ v russkoi rukopisnoi i fol’klornoj traditsii XVIII–XX vekov” [“The Soldier’s Pater Noster” in Russian Manuscript and Folklore Tradition of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Moscow State University Publ., 2023. 144 p. (In Russ.)
- 6 Weeda, Claire. *Svoi i chuzhie. Etnicheskie stereotipy v srednevekovoi Evrope, 950–1250 gg.* [Ours and Theirs: Ethnic Stereotypes in Medieval Europe, 950s–1250s]. St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2024. 396 p. (In Russ.)
- 7 Isachenko, A.V. “K voprosu ob irlandskoi missii u pannonskikh i moravskikh slavian” [“On the Irish Mission to the Pannonian and Moravian Slavs”]. *Voprosy slavianskogo iazykoznaniiia*, vol. 7, 1963, pp. 43–72. (In Russ.)
- 8 Kuznetsova, V.S. *Dualisticheskie legendy o sotvorenii mira v vostochnoslavianskoi fol’klornoj traditsii* [Dualistic Legends about the Creation of the World in the East Slavic Folklore Tradition]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 249 p. (In Russ.)
- 9 Panchenko, A.M. *Russkaia istoriia i kul’tura: Raboty raznykh let* [Russian History and Culture: Works from Different Years]. St. Petersburg, Iuna Publ., 1999. 520 p. (In Russ.)
- 10 Sazonova, L.I. “Printsip ritmicheskoi organizatsii v proizvedeniakh torzhestvennogo krasnorechiia starshei pory” [“The Principle of Rhythmic Organization in Works of Ceremonial Eloquence of the Older Era”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 28. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 30–46. (In Russ.)
- 11 Tufanova, O.A. “Rifmovannye dvoestrochiia o p’ianstve kak stikhotvornaia propoved’” [“Rhymed Couplets on Drunkenness as a Poetry Sermon”]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 357–384. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-357-384> (In Russ.)
- 12 Dźwigoł, Renata. “Boskie a diabelskie — na podstawie polskich przysłów i frazeologizmów.” *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Linguistica* VI: Dialog z tradycją, vol. 1, 2011, pp. 208–223. (In Polish)
- 13 McNally, Robert. “‘In nomine Dei Summi’: seven Hiberno-Latin Sermons.” *Traditio*, vol. 35, 1979, pp. 121–143. (In English)
- 14 Newhauser, Richard. “Preaching the ‘Contrary Virtues’.” *Mediaeval studies*, vol. 70, 2008, pp. 135–162. (In English)
- 15 Wright, Christian. “‘Docet Deus, Docet Diabolus’: A Hiberno-Latin Theme in an Old English Body-and-Soul Homily.” *Notes and Queries*, vol. 232, 1987, pp. 451–53. (In English)